

Глава 1

— Ди, доченька, ты пристегнута? — Я старательно вырুলиваю с парковки, чудом не зацепив сверкающий на солнце «Кайен».

Парковки — мой бич, я уже год за рулем, но каждый раз, занимая свободное пространство между такими вот океанскими лайнерами, мне хочется зажмуриться.

— Да, мамуль, — отвечает моя девочка, и внутри разливается тепло.

Ни за что никому не признаюсь, но я обожаю эти моменты, когда мы остаемся с дочкой вдвоем. Это не значит, что я меньше люблю своих мальчиков. Не пройдет и часа, как я буду по ним скучать. Но остаться вот так один на один со своим ребенком, а не с тремя, висящими на мне как обезьянки, это роскошь, которую я редко могу себе позволить.

Ди тоже любит, когда мы с ней вдвоем без наших мужчин.

— Мамуль, мы с тобой такие девочки-девочки! — говорит она и хитро шурит глазки.

Ну как любит. Уже через полчаса она начнет ерзать, поглядывать по сторонам и без конца спрашивать, сколько еще до конца тренировки. Мы с ней отвозим наших парней в футбольный клуб, а потом забираем. И за час она успевает соскучиться.

Подъезжаю к спортивному комплексу и окидываю безнадежным взглядом стоянку. Забито под завязку.

Тала Тоцка

— Вы тут нигде не встанете, — машет мне рукой охранник, — разворачивайтесь и поезжайте на ту сторону, может, там будет место.

— А что случилось? — спрашиваю, выглядывая в окно. — Утро же. И никто вроде не играет.

— Руководство приехало, — загадочно отвечает охранник, и я понимающе хмыкаю.

Причина уважительная, я сама руководство, знаю, что говорю. Разворачиваю машину и объезжаю стадион.

Тут тоже забито. Возвращаюсь обратно, а сама нетерпеливо поглядываю на часы. У мальчиков уже должна закончиться тренировка.

Но мне везет: со стоянки выезжает автомобиль, и охранник показывает, что я могу парковаться.

Закусываю губу и с замиранием сердца втискиваюсь между средней величины танком и бронетранспортером. Судя по габаритам машин, владельцы выбирали их исключительно для того, чтобы такие водители, как я, оттачивали свою технику вождения.

Вообще-то я хорошо вожу, старательно. Честно отходила в автошколу и сдала экзамены ПДД. А вот практических уроков мне не хватило, и я записалась на курсы контраварийной подготовки для начинающих. Так что езжу я аккуратно, а вот паркуюсь как придется.

Мы со Стефой купили машину сначала ей, она нас везде возила. А потом поняли, что это неудобно, дети подросли, и я смогла выкроить время на автошколу.

— Mam, дай мне сок, — просит малышка, и я достаю из сумки-холодильника замороженный сок на палочке.

Две порции остаются ждать мальчиков. Мои дети никогда не будут есть, не поделившись друг с дружкой. Поэтому всего у нас должно быть по три штуки: три булочки, три конфеты или три порции мороженого.

Ди вприпрыжку бежит ко входу в здание спорткомплекса, я едва за ней поспеваю. Она становится все больше похожей на меня — волосы потемнели, глаза из серых в младенчестве сделались зелеными.

СВАДЕБНЫЙ САЛОН

У всех моих детей зеленые глаза, как у меня. Даже у жгуче-черных брюнетов Давида и Данилы. В комплекте с черными бровями и ресничками это выглядит умопомрачительно. И не так похоже на...

— Ваши еще на поле, — говорит мне вахтер, — ругаются с тренером.

Боги, они снова ругаются... Бедный наш тренер...

Бегу на поле, взяв Дианку за руку. Она на ходу облизывает сладкий лед, но я не обращаю внимания. Окидываю взглядом поле.

Чуть дальше группа людей в костюмах, с ними несколько парней в форме клуба. Это не то, что мне нужно. Тренера с мячом в руках замечаю в соседнем секторе, выхватываю взглядом две мелкие фигурки в футболках и шортах и несусь туда.

— Мам, нас выгнали, — хмуро сообщает Данил, а Давид гневно стреляет глазами в тренера.

Выгнали... Третья секция за полгода...

И я бессильно опускаю руки.

У обоих моих сыновей буйный темперамент и такая же буйная фантазия. А мне даже претензии предъявить некому, потому что я догадываюсь, откуда растут ноги.

— На осинке не родятся апельсинки, — многозначительно изрекает Стефа, демонстрируя мне сломанный робот-пылесос, на котором покатались Давид с Данилом. Сначала по очереди, а потом вместе.

А я лишь согласно киваю.

Этой зимой я повезла Дианку в больницу с больной носоглоткой, а мальчиков оставила дома. Стефа должна была скоро вернуться, но ее задержал заказчик. А у нас на обратном пути заглохла машина, так что домой мы со Стефкой вернулись одновременно.

До сих пор не знаю, как у меня не разорвалось сердце, когда я увидела распахнутые окна. С учетом того, что температура воздуха снизилась до десяти градусов.

Тала Тоцка

Влетев в дом, мы со Стефой увидели залитый водой пол. По щиколотку в воде с расстроенными мордами бродили мои сыновья в шапках, рукавицах и сапогах.

— Мамочка! — бросились они ко мне, как только увидели нас со Стефой. — Стефочка! Мы залили коток, а он не мерзнет! Почему?

— Потому что, к счастью, у нас включен котел. — Стефа трижды перекрестилась на икону Николая Чудотворца, и мы с ней до ночи убирали в доме.

Месяц назад я уехала договариваться с туроператором о групповом туре в Венецию для бракосочетания одной милой пары. Стефа ненадолго задремала. Пока она спала, парни высадили все домашние цветы вместе с горшками в палисадник за домом, превратив наш идеальный рулонный газон в жалкие ошметки. Еще и сестру подключили, чтобы она поливала бедные растения.

— Им в доме стало скучно, — заявил Данил в качестве аргумента. Но мы со Стефой ни на секунду не усомнились, что скучно стало как раз нашим сорванцам.

А еще однажды они вымазали жиром ручку двери и крыльцо, чтобы к нам не смог войти Волан-де-Морт. В результате пришла Стефкина подруга, упала и сломала руку. Рука срослась, но со Стефкой подруга до сих пор не разговаривает, хоть та упорно пытается помириться.

— К нам скоро вообще никто ходить в гости не будет, — выговаривала Стефа нашим шкодникам.

— Вот и хорошо, значит, мы наконец-то сможем все вместе посмотреть мультики и нам никто не помешает! — радостно заявил Данил, а Давид лишь упрямо насупился. Надо ли говорить, кого он в такие минуты напоминает?

Детский психолог посоветовал мне направить неуемную энергию сыновей в правильное русло. Например, в спорт. С выбором вида спорта вопросов не возникло — мальчики начали гонять мяч, как только научились крепко держаться на ногах.

Но везде, где я пробовала их пристроить, предлагали подождать год, потому что четырехлетки считаются не готовыми

СВАДЕБНЫЙ САЛОН

к командной работе. И я решила начать со спортивной гимнастики.

Тренер продержался две недели, а потом попросил забрать детей. Его терпение лопнуло, когда они расплели канат по всей длине. Как объяснил Данил, им стало интересно, каким образом держится плетение и насколько оно прочное.

Давид отмалчивался и супился, он редко считал нужным что-то объяснять. Извинился, и этого вполне достаточно. Мне повезло, что старший сын обладал задатками дипломата и не был таким упертым, как его младший брат. Но новый канат купить пришлось.

Потом я записала мальчиков в бассейн. И Дианку вместе с ними. Занятия в детских спортивных группах начинались с шести лет, так что я отдала их в школу раннего развития, оплатив индивидуального тренера.

После того, как ребята утопили в бассейне его телефон и планшет, меня попросили привести сыновей, когда подрастут. Я беспрекословно подчинилась, предварительно оплатив оторванный разделитель плавательных дорожек.

Как объяснил мой дипломатичный мальчик, им с Давидом показалась тесной дорожка. Они стащили из домашней кладовки кусачки и, пока тренер занимался Дианкой, перекусили трос с поплавами. Мне пришлось оплатить новый разделитель и забрать детей из бассейна.

Конечно, мальчики извинились. Это первое, что они делают после каждой выходки. Но если Данил при этом хотя бы пытается изобразить раскаяние, Давид сохраняет невозмутимый вид.

— Бубочка моя, — наставляет его потом Стефа, — когда просишь у людей прощения, надо хоть глазки в пол опустить. А не смотреть с таким видом, как будто ты хочешь сказать: «Сдохни, крыса!»

Три недели назад, оплатив соседям очередной треснутый стеклопакет, в который Давид попал мячом, я привела сыновей на стадион.

— Им через полгода исполнится пять лет, — упрашивала я тренера, — они же с рождения втроем, а это тоже маленькая команда. Вот увидите, они у меня очень очень командные!

И теперь я смотрю на своих насупленных детей и недовольного тренера.

— Что случилось, Вадим Степанович? — спрашиваю его, все еще теша себя надеждой, что это было сказано сторяча.

— Я не могу так работать, Анастасия Андреевна, — нервно отвечает тренер. — Я привык, что мои требования выполняются. Понимаю, что у них у обоих преобладающая нога — левая, но хороший футболист должен владеть обеими ногами. А они не слушают и бьют только левой.

Мальчики шмыгают носами, подтверждая слова тренера. Дианка сочувственно смотрит на братьев.

— Данил, Давид, — говорю с укоризной, все еще надеясь, что удастся уломать Вадима Степановича нас оставить, — разве вы не согласны, что надо одинаково хорошо уметь бить и левой, и правой ногой?

— Нет, — мотает головой Данил, Давид молчит, — нельзя одинаково.

— Это почему же?

— Левую тоже надо тренировать. Она должна еще лучше бить. Так что одинаково — это неправильно.

Тренер раздраженно машет руками:

— Ну вот, и так всю тренировку.

Я смотрю на упрямо сжатые губы своего мальчика, вижу, что они подрагивают, и мне становится его жаль.

— Сынок, — присаживаюсь на корточки, — может, есть смысл чередовать? День правой, день левой?

— Мамочка, — оживляется Давид, — я так и хочу. Но прошлый раз мы всю тренировку били правой, и сегодня я должен бить правой. Моя левая нога может разучиться!

— За один раз не разучится, — пытаюсь его разубедить, но он качает головой.

— Ты не понимаешь, я сегодня попробовал, и уже совсем слабо получается. Вот смотри!

Он берет из рук тренера мяч, и смутное предчувствие заставляет меня воскликнуть:

— Давид, нет!

Но мяч уже взлетает вверх, и мы все следим за его полетом как зачарованные. Он описывает красивую дугу и, как в за-

СВАДЕБНЫЙ САЛОН

медленной съемке, гулко бьет точно в лоб одному из мужчин в костюмах, которые направляются из соседнего сектора в нашу сторону.

— Нет, — шепчу я, увидев, как мужчина пошатывается, прижимает ладони ко лбу и садится прямым на траву. — Пожалуйста, пусть он останется живой!

И искренне радуюсь, услышав глухие маты, доносящиеся из-за спин обступивших его спутников. Ладно, что здесь дети. Пускай. Главное, что живой. Мертвые не матерятся.

Облегченно вздыхаю и поворачиваюсь к сыновьям.

Глава 2

— Мы извиняться! — Данил хватается за руку Давида и тянет к толпе, окружившей пострадавшего. Что-что, а извиняться они умеют.

— Мам, я с ними. — Ди облизывает ледяной сок и мчится следом за братьями.

Я заставляю себя сдвинуться с места и спешу за своими детьми. Хотя спешу — это громко сказано. Ощущения такие, будто к каждой ноге привязано по гире. Не представляю, как посмотрю в глаза человеку, которому мой сын попал футбольным мячом в лоб. Думаю, это очень больно!

Подхожу ближе. Мальчики по очереди просачиваются между людьми в костюмах, следом ныряет Дианка.

Выглядываю из-за плеч суровых мужчин в солнцезащитных очках — по виду явно охранники. Пострадавший так и сидит на траве, прижав обе руки к многострадальному лбу, а напротив вытянулись в струночку мои сыновья.

— Извините нас пожалуйста, — громко произносит Данил с интонацией, напоминающей всем известное: «Мы отстали от поезда...»

Мужчина на траве морщится и машет ему рукой, я расцениваю этот жест как призыв к молчанию. Он поднимает голову, я с состраданием смотрю на внушительное пятно, багровеющее прямо на глазах. А следом в лоб влетает десяток воображаемых мячей, и мир вокруг меня делает стремительный кувырок.

СВАДЕБНЫЙ САЛОН

Кровь ударяет в голову, во рту становится вязко, в ушах гулко отдается каждое слово. Ноги дрожат, и я хватаюсь за локоть одного из охранников, потому что боюсь лишиться чувств. Охранник удивленно оборачивается и пытается выдернуть руку, но я этого не замечаю.

Нет, этого не может быть. Только не это.

Пусть это будет кто угодно, кто угодно, только не...

Тагаев. Это глюк. Этого не может быть.

Закрываю лицо руками, прижимаю их изо всех сил. Считаю до трех. Добрый Боженька, пускай мне просто покажется! Пускай просто припекло солнце и у меня окажется солнечный удар...

Почти успокоенная отнимаю ладони от лица, и сердце с грохотом обрушивается вниз.

На траве, прижав одну руку к багровому пятну, сидит Артур Тагаев и мутным взглядом смотрит на Данила и Давида. На своих сыновей.

Откуда он здесь взялся? Он что-то узнал о детях? Он приехал их забрать?

Снова хватаюсь за локоть охранника, но тот уже не вырывается. Даже сгибает руку, чтобы мне удобнее было держаться.

— Мы больше не будем, — вторит брату Давид.

Тагаев вздрагивает, его глаза округляются и приобретают чуть более осмысленное выражение.

— Погодите, так вас что, правда двое? — машет он у себя перед носом свободной рукой.

Мальчики переглядываются, затем поворачиваются к Тагаеву и дружно кивают. Он снова морщится и трет руками глаза.

— А я решил, что у меня в глазах двоится, — хмыкает он и внимательно рассматривает парней. — Значит, близнецы?

— Да. Я Данил, а он Давид, — включает дипломата Даня.

Тагаев пытается встать и с негромким стоном опускается обратно на траву. Хватается за лоб, а я закусываю губу, потому что к Артуру подходит Дианка.

Тала Тоцка

На ее личике написано неподдельное сострадание, и вообще у нас в семье она самая добрая. Дочка склоняется над Артуром и сочувственно спрашивает:

— Очень больно?

Тагаев вздрагивает и фокусируется на Ди. Завороженно кивает, и моя добрая девочка гладит его по голове.

— Когда мои братья набивают шишки, мама прикладывает лед. Хотите, я с вами поделюсь? Он почти целый, я съела только половину.

Молчание Дианка расценивает как согласие и прикладывает замороженный сок ко лбу Тагаева, заботливо придавив, чтобы он лучше держался.

Теперь я издаю глухой стон, и охранник с удивлением на меня смотрит.

— Черт, — раздается из-под кашицы желтого цвета, — он сладкий? — Тагаев придерживает сок за палочку, и мне хочется умереть. Ну почему Давид попал именно в него?

— Значит, ты сестра? — не унимается Артур, и все трое кивают.

— Старшая, — снисходительно поясняет Давид.

— Ты? Старшая? — недоверчиво смотрит на Дианку Тагаев. — Чего ж такая мелкая?

Ди со вздохом пожимает плечами. Она давно убедилась, что мир несправедлив.

— Так она на двенадцать минут всего старше, — с готовностью уточняет Данил, и Тагаев наконец соображает:

— Вы что, тройня?

— Да, — дружно отвечает моя тройня. Или наша с ним...

Я понимаю его замешательство. Ди совсем не похожа на братьев. Артур хотел еще что-то спросить, но тут его окружают медработники с чемоданчиками неотложной помощи.

В считанные секунды Тагаева отмывают от сока, накладывают повязку, и вот уже он сурово смотрит на детей, прижимая ко лбу упаковку со льдом.

— И кто меня приложил, признавайтесь?

— Я, — делает шаг к нему Давид.

СВАДЕБНЫЙ САЛОН

— Покажи. — Тагаев несколько минут смотрит на опешившего мальчика. — Ну, чего ты ждешь? А то я не поверю, что такая мелочь может так ударить по мячу.

Это было то, что нужно Давиду. Доказать. Это он умеет и практикует. Давиду подают мяч, он делает шаг назад и с разбега бьет ногой по мячу.

—левой? — удивленно отмечает Артур и переводит взгляд на Даньку. — А ты тоже так можешь?

Данил гордо кивает. По знаку Тагаева ему подают еще один мяч, и мой сын левой ногой отправляет его вслед за первым.

— тоже левой? — Артур озадаченно почесывает макушку и снова смотрит на обоих парней. — Вы вообще чьи?

— Мамины, — с готовностью отвечает Дианка.

— И где же она?

Дети высматривают меня из-за спин охранников, и я инстинктивно отступаю назад.

— Там, — неопределенно машет в мою сторону Данил.

Артур поднимает голову и окидывает всех присутствующих грозным и сердитым взглядом.

— Чьи это дети?

Все переглядываются между собой и недоуменно перешептываются, качая головами. В воздухе звенит резкое:

— Я спрашиваю, чьи это дети?

«Твои, Тагаев, твои», — так и хочется ответить. Но я делаю шаг вперед и высоко поднимаю подбородок.

— Мои. Это мои дети.

Толпа передо мной расступается. А потом наши глаза встречаются.

— Ты? — Артур окидывает меня с головы до ног удивленным взглядом, а потом с криком: «Я тебя узнал, ты нас обманула! Деньги забрала, а аборт не сделала!» — начинает меня душить.

Такая картина мгновенно возникает в моей голове. Но все получается по-другому.

— Вы? — Артур окидывает меня с головы до ног удивленным взглядом. — Это ваши дети?

Отчаянно моргаю, чтобы поскорее прогнать идиотские видения, возникшие совершенно внезапно, и киваю как болванчик. Несколько раз подряд.

— Все трое? — переспрашивает он недоверчиво и уже более придирчиво осматривает меня с ног до головы. Я бы даже сказала — оценивающе.

Быстро сглатываю. На языке вертится остренькое и язвительное из серии: «У тебя совсем мозги отшибло, Тагаев? А как еще, если они тройня?»

Но тут же вспоминаю, что мужчине сейчас прилетело в лоб футбольным мячом от моего сына, так что это будет больше смахивать на жесткий троллинг.

Нашего с ним сына. От осознания этого по телу пробегает дрожь, а затылку, наоборот, становится жарко.

В нескольких шагах от меня стоит человек, от которого я родила троих детей. С которым у меня была хоть и недолгая, но связь. Самая близкая связь, какая только может быть между мужчиной и женщиной. И эта связь до сих пор мерцает тремя невидимыми ниточками, натянутыми между нами.

И при этом в мире, наверное, нет человека, который был бы настолько от меня далек. Поэтому я еще раз сглатываю и отвечаю коротко:

— Да.

Взгляд Тагаева продолжает блуждать по моему телу, а потом задерживается на его нижней части. Точнее — животе. Тагаев смотрит то на меня, то на мой живот, то на детей, как будто они только что прямо у него на глазах вылезли оттуда все трое и он никак не может в это поверить.

— Меня зовут Артур, — вдруг говорит Артур, и на меня сверху обрушивается ледяной поток.

Артур... Меня зовут Артур... Ты такая сладкая, такая тесная малышка...

Понимаю, что передо мной не просто отец моих детей. А еще и мой первый мужчина... И едва удерживаюсь, чтобы не схватиться за локоть все того же охранника в очках.

— Артур Асланович Тагаев, — продолжает Тагаев, — я недавно купил этот клуб.

СВАДЕБНЫЙ САЛОН

— Нас... Анастасия, — вовремя спохватываюсь я, — Андreeвна.

Тагаева дергают снизу за рукав, и я вижу расстроенное личико дочки.

— Я Дианка. — У нее дрожит голосок, и я понимаю, что ей очень обидно, что никто не спросил, как ее зовут.

Вряд ли это интересно Тагаеву, и мне вдруг тоже становится обидно за дочь. Девочка своим мороженым пожертвовала, а он даже не поинтересовался именем спасительницы.

Но лицо Артура внезапно принимает очень странное выражение. Была бы я глупой сентиментальной гусыней, то сказала бы, что трогательное. А так назову его заинтересованным.

— Какое красивое имя, — хвалит он и переводит взгляд на мальчиков. — А вы... Давид и Данил, правильно?

Он по очереди указывает на каждого, и те кивают с озадаченным видом. Я тоже в полном замешательстве.

Не перепутал. Или запомнил? Да нет, не может быть. С первого раза? Обычно все путаются, всегда. Даже Стефка, бывает. Только мы с Ди безошибочно можем определить, кто из них кто. Мне они вообще кажутся совсем разными. И... неужели теперь и Тагаев тоже может?

— Значит, Давид, Данил и Дианка? — потирает он подбородок, и очередная ледяная волна с грохотом выбивает изпод меня почву.

Артур улыбается. Смотрит на моих детей и улыбается. А они стоят перед ним полукругом с задранными головами.

Сейчас они похожи на желторотых птенчиков, которые с нетерпением ожидают, когда уже прилетевший родитель начнет скармливать им вкусных червячков. И от этого привычно сжимается сердце.

Моим деткам, как и всем, нужен отец. Который их всегда поддержит и поможет. Который будет гордиться своими сыновьями, а дочку баловать и обожать всех троих. И они бы его любили, это я знаю точно. И я бы ни за что не стала препятствовать их отношениям пусть даже на расстоянии, если бы тогда Артур захотел участвовать в жизни своих детей. Но Тагаев решил иначе.

Тала Тоцка

Дворняжки... Мои дети для него всего лишь дворняжки. Захотелось схватить их за руки и увести отсюда как можно быстрее.

Но мне приходится стоять, унимать бушующую внутри бурю и молча смотреть, как улыбается нашим с ним детям Артур Тагаев. Мой первый мужчина, заплативший мне за то, чтобы я от этих детей избавилась.

— Интересные у вас имена, — тем временем изрекает Тагаев с легкой полуулыбкой.

— Три «Д», — соглашается повеселевшая дочка. У нее сверкают глазки и зарумянивается личико. — Нас так мама называет.

— Три «Д»? — округляет глаза Тагаев и смеется. А потом смотрит на меня и сразу меняет тон. — У вас уникальные сыновья, Анастасия Андреевна. Им просто необходимы индивидуальные занятия по специальной программе. У них у обоих преобладающая нога — левая, и для их возраста довольно сильный удар.

Тагаев неосознанно прикасается к нашлепке из бинта и пластыря на лбу, и я виновато краснею, как будто это я его стукнула мячом.

— Способные футболисты с ударной левой ногой встречаются очень редко. Так что ваши сыновья — просто находка, — продолжает Артур. — Я знаю, что говорю. У меня тоже левая — преобладающая. И если бы не травма...

Он замолкает. А я лихорадочно пытаюсь справиться с состоянием, близким к обмороку. Ну как же правильно выражается Стефа про осинки и апельсинки!..

— Так тут не одна нога, Артур Асланович, — вдруг заявляет один окружающих Тагаева мужчин с неприятной ухмылкой. — Они и похожи на вас. Просто одно лицо. Вы случайно не родственники?

Пуф! И ветер разносит оставшуюся от неприятного мужика горстку пепла. Это Артур и Давид одновременно пальнули в него фирменным взглядом «Сдохни, крыса!». А мне становится страшно от того, что это заметит кто-то еще.

К счастью, на помощь Давиду приходят его брат и сестра.